

МИХАИЛ БИРМАН

СТИХИ

Поэт

I

Все новое — от нетерпенья,
И так получалось тогда,
Что каждое стихотворенье
Грозило порвать повода.

Находчивый баловень строчек,
Велевший им петь и свистать,
Он свой вырабатывал почерк
Пристрастному веку подстать.

Какая экспрессия! Боже,
Какой несравненный замах!
.....
И все-таки суше и строже
С годами пространство стиха.

Как будто взыскательный автор
В неведеньи славы своей
Чурался разгула метафор,
Чрезмерности прежних затей.

И правду сказать, — до того ли
В ту пору, когда неспроста
Взрывалась как минное поле
Газетная площадь листа.

Когда расплзлась тревога
Сквозь кашли ночной тишины.
И так оставалось недолго
До все поглотившей войны...

II

Надвинулись мирные годы,
И снова клубился Олимп.
Тогда помогли переводы
Ему, как и многим другим.

Хоть навык верней вдохновенья,
И полнилась споро тетрадь.
Причудливое нетерпенье
Его посещало опять.

Он был в состоянии и вправе
Своих не придерживать сил.
И чувствовал, что богоравен,
И заново глину месил.

Отбросил дотошный подстрочник
И переиначил размер.
Чтобы просторечно и сочно
Зажил архаичный шедевр.

И помыслы, страсти и муки,
Что трогали прежде до слез,
От пыльной избавились скуки
И снова смотрелись всерьез.

Чтобы с театральных подмостков
Каскад монологов и сцен
Прельщал пестротой бугафорской
Восторгов, злодейств и измен.

И было б нам вчуже поплакать,
Целительно и невпопад,
Когда бы не скорбная память,
Бессонница страшных утрат.

III

На этой поденной работе
И встретил он те времена,
Когда на крутом повороте
Опять оказалась страна...

Смятенье пустых пьедесталов,
И веянья, и пересмотр.
Казалось, что мало-помалу
Наладится все с этих пор.

В плену осторожных иллюзий,
И веруя в долг и в прогресс,
К делам прорицающей музы
Он свой обратил интерес.

.....

Он прежние поднял тетради,
Дописывал стих за стихом.
Ожившей причастности ради
Выстраивал избранный том.

Скупые и точные строки
Ложились тогда под перо.
И жизненные уроки
В них было узнать нехитро.

Что надо достойно и внятно,
И в стол – все равно, что в печать.
А гнущее слово – превратно,
И лучше тогда промолчать.
Что почерк – в особице взгляда
На сумму вещей как на мир,
Где хаос предметного ряда
Становится вдруг обозрим.

Что мера судьбы и служенья,
Неясная нам до поры, –
В бесхитростном несовпаденьи,
В неведеньи правил игры.

.....

Все так. Все казалось во благо.
И сказано все от души.
И поздно взошедшей отвагой
Он опыт в себе заглушил.

IV

Давно уже все отшумело,
И стал безразличен мотив.
Про это злосчастное дело
Уместно сказать — рецидив.

И все же... О, если он знал бы
И мог бы понять, почему
Судьбы безрассудные залпы
Назначены были ему.

Двойным помрачением смысла
Скрещенье опал и наград
Над будущим тесно нависло
И внутрь опрокинуло взгляд.
Он слышал в себе перемены,
И пестуя трудную суть,
Строку поверял сокровенным,
Но было уже не вздохнуть.

И мысль выражая упруго,
И как бы читая мораль,
Он вышел из жесткого круга,
Ступая в посмертную даль.

* * *

Вполоборота. Вопреки себе.
На поводу молчания пустого.
Что различишь в отхлынувшей судьбе?
Расслышишь ли теперь единственное слово?

Всего лишь имя. Эхо, а не зов.
Былых колоколов истаявшие звоны.
Будь проклят утешительный покров
Из покаяний, жалоб и резонов.

* * *

Наверно, молчание — благо,
И только растерянный стих,
Еще не познавший бумагу,
Противится смуте двоих.

В натруженном поиске слова,
Невнятного первенца уст,
Проступит тугая основа,
А после слова нарастут.

Не слушай, не в доводах дело!
Не в них неделимая суть.
Но так ли судьба оскудела,
Что кольца осталось вернуть?

Ах, полно! Не нам торопиться.
Еще не растрочена боль.
И как-нибудь все разрешится.
Терпи и себя не неволь.

Не в том ли цена примиренья?
Поверим ли, что пронесло?
Наивное стихотворенье —
Пригоршня беспомощных слов.

Трамвай

1

Угомонился снегопад,
Сквер стал немым и чернобелым.
Сюда в прыжке оторопелом
Влетел трамвай. Поверх оград.

Он разгонялся где-то там,
Звучал и пел, еще незримый.
И мог вполне промчатся мимо
По переулкам и дворам.

Но он хотел скорей к Неве.
И верил в рельсы. Эта вера
Его вела. За угол сквера
Он зацепился и — взлетел!

И сразу смолк. А деревья
Роняли хлопья в удивленьи,
И в деловитом отчужденье
Катилась тяжкая Нева.

И было не принять всерьез
Его звонков, его разлета. —
Все тормозят у поворота.
Как видно, и ему пришлось.

2

Взлетел ли, нет ли — праздный спор.
Не разобрать за снежной пылью.
Но чтобы сказку сделать былью,
Нужна мечта, а не мотор.

Да, он поспешно тормозил
К своей законной остановке.
И скрежет, трудный и неловкий, —
Растрата лошадиных сил.

Но что поделаться, он хотел
Предстать веселым и свободным,
А не вагоном беспородным,
Невольником извозных дел.

Избыв ремонтную тоску,
Усталость формы и металла,
Он верил, что ему пристало
Покрасоваться на мосту.

Ну что ж, была б душа чиста.
В надежде, что приязнь взаимна,
Он предложил гостеприимно
Входить и занимать места.

И равнодушные вполне
К его распахнутому миру,
В вагон садились пассажиры
И отрясали на пол снег.

3

Нет–нет, ему не до обид.
Ведь скоро мост. Скажи на милость, —
Устал. И что-то надломилось —
Не совпадает и скрипит.

Но надо ехать. До Невы
Рукой подать. Не все забыто. —
Его у невского гранита

Приветят бронзовые львы.

Мой бог, он помнит! — Грудь моста
И дрожь центрального пролета,
И с высоты — обзор. Но что-то
Не можется. Все — суета...

Он кое-как прошел квартал,
Разочарованно и робко.
А на подъезде к мосту пробка
На полчаса. Он так и знал.

4

А все же, если без прикрас,
Что в этой беглой зарисовке?—
Трамвай, спешащий к остановке,
И снежный сад, принявший нас.

Все прочее — самообман.
Ну что ж, оставим... Неуместно
Выламываться из подтекста
И вылезать на первый план.
О чем бы ни писал поэт,
Он пишет о себе. И в этом —
Залог владения предметом
И вдохновения секрет.

Петербург

Этот город давно не столица,
И обличьем парадным своим
Он теперь безотчетно томится,
Но предстать не умеет иным.
Даром, что обрушенье и смута,
Неприкаянность белых ночей
Сон под утро. Благая минута. —
Он свободен и как бы ничей.

Что привидилось, камень усталый?
Внятен цокот по легким торцам.
Ни гудки у застав, ни вокзалы
Не перечат пока что дворцам.

Скачки в Красном. Балет в Мариинском.
Миноносцы на свежей волне.
Обольщен декадансом и сыском,
Город верит себе не вполне.

Предкновенья, укоры, утайки,
И некстати прямой разговор.
Если что, от казацкой нагайки
Отшатнется Казанский собор.

После скажут — пора безвременья,
Малых дел, неотчетливых вех.
Годы цугом плывут по теченью
Словно сходят плоты по Неве.

Все привычно и все поправимо,
Стихотворцы предчувствуют зря.
Приключится навряд ли Цусима
И Девятое января.

Сон предутренный краток и зыбок,
И на все исторический срок.
Так уж вышло, что каменных строк
Ни вписать, ни прочесть без ошибок.

* * *

Куда нас только не зовут
Возвышенные строки.
Но мнут большие города
И дымные дороги.
В лиловой гари дизелей,
В магнитофонном зыке
Мы злей становимся. И зло —
Темно и безъязыко.
Не видно звезд, не слышно птиц.
Да было ли все это?
Мы пали ниц. Нам от любви
Остались лишь запреты.
Замылен глаз, задерган слух.
Мы бьемся о препоны.
И даже лучшие из нас
В конце пути покорны.

ТРИ РАЗА В АРМЕНИИ

Агарцин

Через мост и — свернуть в березняк.
Есть в горах побогаче поляны.
Монастырь подступает нежданно,
И уже навсегда. Только так.

На старинное это подворье
Наезжает заморская знать
Нищих предков терпенье и горе
Безмятежно вкусить и познать.

Здесь ни башен, ни стен, Агарцин!
Но в часовнях на окнах — бойницы.
И судьба в наши души стучится,
Почему-то избрав Агарцин.

Было прежде ей все недосуг,
Или зря искушать не хотела,
Только нынче сама захмелела
Под дождем в дилижанском лесу...

Но уже затянулась петля,
И теперь размышлять бесполезно,
Почему в онавтырской трапезной
Мне пришились твои губы и взгляд.

Словно в мыле поток, Агарцин!
И под этот напористый грохот,
Осчастливлен я был или проклят,
Я понять не успел, Агарцин.

И теперь, через тысячу лет,
Этот грохот меня не покинул.
Поклонись за меня Агарцину
И хмельной дилижанской земле.

Ереван. Гарни

В Ереване погожие дни.
В декабре это кажется странным.
Оскудевшая осень Гарни
Не заменит весны Дилижана.

Здесь обрыв с трех сторон в никуда,
А с четвертой — разруха и скука.
Я с разлукой пока совладал,
И мне даже в охотку разлука.

Можно все не спеша перебрать,
Можно память смирить и утишить.
Или просто пропить вечера.
Только это — излишне.

Мне гостиничный сумрак хорош
Тем, что вовсе незряч и безгласен.
Ночь легла под перо. Ты поймешь —
Я уже над словами не властен.

Я тебе свой душевный раздор
Расскажу без надрыва и позы.
Может, выйдет у нас разговор.
Или все-таки поздно?

Ты, пожалуйста, извини,
Что пишу стихами и длинно.
Мне эллинские камни Гарни
Не напомнили Агарцина.

А в горах над Севаном снег,
И ненастье повисло на скалах.
Агарцин на другой стороне,
За заснеженным перевалом.

Цахкадзор

Какой-то ровный свет,
Простой и благосклонный.
Тропинок дальше нет
По зарослям разбойным.

Внезапен винный дух
Дичков лесных опавших.
И ветры наверху,
И горы нараспашку.

Скрипит фуникулер
Вразрез лесов цветастых.
Осенний Цахкадзор
Расцвечен, словно счастье.

А счастье замело
По грудь листвою палой.
Пока что здесь тепло,
Но все уже устало.

И близится пора
Нашествий горнолыжных,
Но это мне не нужно,
И мне домой пора.

В монастыре

Нагреты плиты каменного дворика,
Дремотны липы в солнечном проеме.
Медлительно вздохнет душа истории,
Поддавшись повелительной истоме.

И наплывут из гулко-го забвения
Давным-давно неслышимые звоны,
Целительная истовость моления,
Немыслимая пристальность иконы.

Теперь не распознать, на чем замешано
Старинное молчанье низких келий,
Но хочется поверить, что умели
Здесь жить приникновенно и утешно.

За суетой растратив неразменное,
Мы устаем от верности и долга,
И нет для нас спасения за стенами,
Поскольку нет спасения без Бога.

Плеснет ветвями ветерок полуденный
И, накрываясь, пойдут на убыль чары.
Збирать губами локоны твой причудливый,
И запах неостывшего загара.

12 МЕСЯЦЕВ

Январь

Январь не на шутку. Как пусто в полях!
Как смутно. Не в холоде дело.
Шуршанье поземки — для слуха, а взгляд
Устал расскользаться на белом.

В лесу благосклонней. Здесь прибрано все.
Сухие снега невесомы.
Им стужа хозяйка. Следы занесет,
Завеет, а там и не вспомним.

Петляет лыжня по кустам. На снегу
Зимы приворотные тени.
А солнце проглянет. Глаза отведу.
Куда снегири пролетели?

Что инею льстить, поминать серебро?
Забыть ли об осени пестрой.
Пружинит лоза, пробивая сугроб.
Вот гибкость, а вместе — упорство.

Лыжня оступилась. Опушка, ручей.
Поземка в полях безучастных.
Хватило б дыханья. В порядке вещей
Усталости скудное счастье.

Февраль

1

Но в феврале иная тишина.
Молчание леса примем и усвоим.
А ветер сник. И не его вина,
Что ели отрясают тихо хвою.

Что ляжет занемевшую строкой
На снежную скрипучую страницу?
Как это просто — холод и покой,
И все уже оплачено сторицей.

Не торопи одышливый подъем.
И то сказать — куда от зимней яви?
Когда-нибудь поверим и поймем —
Не отболит. А больше нету правил.

2

Перечить ли? Зима возьмет в полон.
Надежна твердь под снежным покрывалом.
А зимний день приманчив, словно сон,
Где все опять и ничего сначала.

Но побоку метафоры. Вдохни
Морозный воздух. Пусть лыжня двоится.
Еще не скоро отсыреют дни
И первая затенькает синица.

Еще не скоро зашуршит капель
Невнятная. Протает снег у сосен.
Пока — ночная рыхлая метель,
Да днем светлей. Но не теплее вовсе.

3

Зима, во всяком случае, чиста.
Ей дышится легко, по крайней мере.
И нам с тобой хотелось неспроста
Увидеть снова лес и зимний берег.

Бог милостив. А день нетороплив.
Доверчив хруст нехоженого наста.
Куда пойдем? Что помним о любви?
Что счастлива бывала, но нечасто.

Ах, все равно! Уже не миновать
В глаза глядеть, и греть друг другу руки,
И уходить все дальше от разлуки,
И ничего уже не понимать.

Март

На улицах наледь с утра,
А в полдень веселая слякоть.
И крыши наладились плакать. —
Их чистить давно уж пора.

Зайдем в переулок — туда,
Где скачет капель по сугробам.
И хочешь - не хочешь, а пробуй,
Как талая пахнет вода.

За мутным стеклом разлеглась
Хозяйская кошка погреться,
А нам с тобой некуда деться,
Но это не ново для нас.

Местами просох тротуар,
И сырость стоит в подворотнях.
И ждет переменчивый март,
Что с нами случится сегодня.

Случилось давно и всерьез,
Но счастье всегда несвободно.
А март — безрассудная сводня —
Не знает раскаянных слез.

Апрель

В средних числах весны, когда лес откровенен,
Не стыдится болот и в тепле не уверен,
Но уже нетерпением охвачен подспудным,
Я сюда прихожу по дорогам безлюдным.

Я сюда прихожу в немоту предстоянья,
Перебить суету и наладить дыханье.
Распознать невзначай восходящие токи
И услышать земли затрудненные вздохи.

Ощутить, обрести... И для этого надо
Не растрчивать праздно ни слова, ни взгляда.
Но поверить и знать, что томленье опушек
Никуда не спешит, ничего не нарушит.

Не нарушит сплетения целей и сроков,
На завещанный круг повернет непременно.
Я сюда прихожу воспринять эту верность.
Я учусь. Но надолго ли хватит уроков?

Май

1

Еще не окрепла тропа,
И снег залежался в распадках,
А лес уже щурится сладко,
И потом весенним пропах.

Такой напряженный покой,
Натуга нелопнувших почек.
Желанья томительный почерк,
И нежности скрытый прибор.

2. Песенка

Что влево нам, что вправо,
И ты давно молчишь.
На старой ветке ржавой
Весной прогрета тишь.

Под насыпью — болото.
Под шпалами — песок.
И рельсы с поворотом
Сбегаются в лесок.

А в рощах снег шершавый,
Тропинки под водой,
Что влево нам, что вправо
По насыпи крутой.

Неспешная дорога,
Недальняя верста.
Повремени немного,
Помедлим у моста.

Тесовые перила,
Склоненное плечо.
О чем притихла, милая,
Над пенистым ручьем?

Приветный этот угол.
Тепло и никого.
А говорить друг другу
Не надо ничего.

Июнь

Сосны резво взбегают на холм.
Мне за ними успеть и упасть.
Задохнуться иссушенным мхом.
И услышать, как сердце стучит.

Никого в разогретом лесу.
Только плавает медленный звон.
Это зной напрягает стволы
И белесую гонит смолу.

Ничего, я уйму этот стук,
Поднимусь, и опять по холмам,
По песку, по скользящей хвое,
Без тропы, без пути, на закат.

Ты на Севере светлом своем.
Мне остались лишь горечь да пот,
Да удушье сосновых болот,
Да боры, где ни тени, ни птиц.

Одиночество прячет глаза.
Видно так и идти до конца.
Цепкий вереск мне пышет в лицо
Фиолетовым вялым костром.

Что усталость! — благая сестра.
С ней забыться без снов до утра.
А как солнце над бором взойдет,
Снова память, да горечь, да пот.

Июль

Уже не осилить подмен,
И совестно в том разбираться.
Остался у нас сентимент —
Цветения липы дождаться.

Где лодочный шаткий причал,
Дощатый театр сезонный,
Сойдемся почти невзначай,
Единым звонком телефонным.

Июль молчалив до поры
И милостив он, безусловно.
Как тени в аллеях пестры,
Как пальцы отзывчивы снова.

Приманчиво это питье,
И все уже было когда-то.
Простится ли нам забытьё,
И липа ли в том виновата?

* * *

Как быстро она отцвела,
И листья ее потемнели.
Остались пустые недели,
Последние взмахи тепла.

Лимонным костром в сентябре
Засветится липа прощально.
И осень приникнет печально
К морщинистой тесной коре.

Август

1

Я пробудил собак в округе
Своей бессонницей бродячей.
И катится собачья ругань
От дачи к даче.

Холодной августовской ночью
При бесподобном звездопаде
Худая память кровоточит,
И нет пощады.

И только утром чистым, росным,
Когда проступят силуэты
Все станет горестно и просто.
Такое лето.

2

Что проку начинать с пустой строки?
Ночь не сулила прежних сновидений.
Мотались на ветру пустые тени
И поднималась сырость от реки.

Как не хватало мне твоей руки.
И сон мой опускался на колени,
И ждал, все ждал твоих прикосновений
Всему наперекор и вопреки.

Но рассвело — и сразу стало поздно,
Распался стих, заговорила проза.

Сентябрь

Осень медлит, тиха и пуста.
Что нам делать с проклятым разладом?
Бабье лето цветет на последних кустах,
Обессиленное листопадом.

Под твоим неуступчивым взглядом
Мне понять бы пора,
Что слова нынче значат не то, что вчера,
И надеяться больше не надо.

Октябрь

1

Многоцветье и сладкая прель,
Краски осени — дань увяданью.
И неслышно идет умиранье —
Бытия неизменная цель.

И пускай это знать не дано
Примадоннам багряных опушек,
Но трепещут их чуткие души,
А листва облетит все равно.

2

Отрешенность осенних лесов
Изначально охватит покоем.
Осторожна тропа над рекою,
Безответно шуршанье шагов.

Примостившись на мокром бревне,
Нагляжусь на текучие воды.
Ощущеньем бездумной свободы
Обмануться сумею вполне.

Поредевшая память уснет,
И ее не окликнуть до срока.
Незатейливый плеск водотока
Пену прошлого унесет.

Ноябрь

Снова компас в кармане и спички,
И закинут к спине капюшон,
И осенний денек предрешен,
До вечерней, в огнях, электрички.

Попутру еще все впереди —
Беглость троп и нацеленность просек.
Распахнутся леса и не спросят
Ни о чем. Если хочешь — иди.

Что припомнится? Хрусткий ледок,
Чистый голос ручья на привале?
Одинокая сущность дорог
Различает все это едва ли.

Одинокая сущность дорог
Не оценит пытливости взора.
Ей понятней молчание бора
И усталость покладистых ног.

Я решать за нее не берусь,
Но она не поможет гордыне
Обольщаться, что будто бы ныне
Я избыл свою горечь и грусть.

Не суди меня, милая, строго
За распутицу в мыслях моих.
Видишь, я безразличен и тих,
Словно вымокший пес у чужого порога.

Декабрь

1

Декабрь. Дожди невероятны.
И все же — ливень. А потом
Мороз бесснежный и внезапный
И звезды за ночным окном.

А утром ветрено и льдисто,
И над Невой в разрывах туч
Внезапно прянет желтый луч,
Предупредив полдневный выстрел.

И вспыхнет сквер неверным светом,
И засветятся купола.
Не стоит, может быть, об этом. —
Ты не затем зимы ждала.

2

Памяти Володи Грибова

Привычно подступает одиночество
Пустынными ночами в декабре,
Как будто чье-то темное пророчество
Сбывается к назначенной поре.

Тогда душа бредет к своим окраинам,
И мается, и стынет на ветру.
И все, что оставалось нераскаянным,
Вмерзает в отчужденность поутру.

Снег

Февраль-недомерок вздохнул
И сгинул в последней метели.
А в марте снега стекленели,
В поля не пуская весну.

Но мир становился светлей,
И солнце стояло все выше.
И снег испарялся неслышно
Во имя свободы полей.

А там уж в угоду весне
В сыром и беспутном апреле
Ручьи вперебой зазвенели,
Смывая слабеющий снег.

И было не нужно ничуть,
И даже казалось нелепым,
Весне уживаться со снегом,
Утратившим зимнюю суть.

Но в память былых холодов,
И участь свою понимая,
Снег плакал в ложбинах до мая
По северным скатам холмов.

* * *

Утомительна щедрость июля.
Разомлели цветущие липы
И дубы, что стоят в карауле,
Ловят гроз отдаленные всхлипы.

Скоротечного бешенства ливня
Жаждают кроны и гнутся призывно.

Лето коротко. Грозы отбросят
И осядут парные туманы.
В предвкушеньи сквозящей свободы
Померещится снег на полянах.

Воспаленная осень обмечет
Скулы леса рябинною сыпью,
А зима остудит и подлечит.
И рябину склюет или выпьет.

* * *

Напоследок пройдем по реке,
Посидим на знакомом причале.
Пусть все будет, как было вначале,
Долгий вечер на вольной реке.

Пусть все будет, как было тогда,
Милость пальцев и робость коленей,
И лесные пахучие тени,
И несущая блики вода.

Чтобы первая боль улеглась,
И удушливый гнет расставанья
Отступил. И осталось молчанье.
Ни о чем. Будто не было нас.

Только плески неведомо чьи
И шуршание где-то в осоке.
Да проступит звезда на востоке,
Предвещая прохладу в ночи.

На излете полоска зари,
И взлетает шоссе над излучкой.
А разлука останется мукой,
Смертной мукой, что ни говори.

Жигули

Воспоминанья – сущая беда.
Случится день и катерок маршрутный.
Ах, Жигули! Причалить здесь нетрудно.
Сыщу ли повторимости врата?

Все лесом. Наверху уже светлей.
Все наугад, по тропке еле торной.
И где-то здесь поляна у кордона,
Плетенье трав, гудение шмелей.

Доверимся. По правде говоря,
Мне случай отказать уже не вправе.
С ума сойти, какое разнотравье!
Еще не брали косы егеря.

И ни души. Медвяная роса.
Цветенье лип – обвалом на поляну.
Ах, Жигули! Противиться не стану.
Приму на веру ваши чудеса.

Тогда ли к прежним вымыслам и снам
Я разомлевшей памятью приникну.
Нашарю в травах бледную клубнику
И улыбнусь, чему не знаю сам.

А под горой усталая река,
И пахнет нефтью, и скрипят качалки.
Ах, Жигули – карьеры и причалы.
Ах, Жигули! Самарская Лука.

* * *

Ни надежд, ни тревог не осталось,
И нигде нас с тобою не ждут.
Неужели тоска и усталость
Нас с тобой навсегда разведут.

Хочешь, все позабудем, все бросим,
И уедем в леса за Сестру.
Будем впитывать сонную осень,
Слушать дятла в притихшем бору.

Костерок немудреный разложим,
Выпьем чаю, зальем угольки.
И друг другу забыться поможем
В разноцветных кустах у реки.

Переделкино

И зимы, и весны, и лета
Теснились, и этот поток
Смывал, словно щепку, поэта,
Как в желоб, и как в водосток.

В бореньи и смене сезонов
Крепчал разнословий рассол,
И несопряженье канонов
Смотрелось не худшим из зол.

И только высокая осень,
Пора постижений и снов,
Чуралась и праздноголосий,
И хлесткого сбоя основ.

Ей прежние внятны уставы,
В ней болдинский взлет и порыв,
И даром, что где-то заставы
Лелеют холерный нарыв.

Тогда карантинное благо,
Как несообразный фантом,
Излиться спешит на бумагу,
И брызжет счастливым пером...

Сравнения лживы, не правда ли?
Но дорого нынче для нас
И то, что мы слышим, как падали
Те яблоки в Яблочный Спас.

Вглядись! Неоплывшей свечою
Колышется пламень души.
Привычкой, судьбой и мечтою
Очинены карандаши.

Овраг

Ах, милая, неужто наяву,
Сырые мхи, все краше и чванливей.
Ступай легко. Что пестовать вину
Среди дороги долготерпеливой.

Мы не вольны! Петлистая тропа
Стекла в овраг. Живая весть подспудна.
Остынь щекой и прядь откинь со лба.
Я — посох твой, не стыд и не причуда.

Здесь ели темные вприглядку и молчком.
И папоротник в рост, ему какое дело!
Ах, милая, все это ни о чем.
От сырости душа заглодела.

Куда ни шло! Но слишком много мха.
Когда-нибудь распилят ели на бумагу.
Сочится кое-как невнятица стиха.
Переступай ручьи, что рыщут по оврагу.

Два шестистишия

1

Какая осень невесомая,
Какая горечь листьев палых!
Опять кружит любовь бездомная
Нас по лесам. И ты устала.
Устала ты не от ходьбы,
Устала от судьбы.

2

Милая, не надо горьких слов.
Брось в огонь обузу обещаний.
Догорит костер из наших снов
На какой-нибудь глухой поляне.
Догорит, дотлеет и замрет.
Кто весной в траве золу найдет?

Звенигород

Когда и как, а пуще все же — кто.
Уверовать, принять и воплотиться.
Расплывчаты, но различимы лица,
И времени колыхнется поток.

Окраина. Рубеж. И над рекой
Возносится обитель. Ради Бога.
И вот уже под княжеской рукой
Опасная Смоленская дорога.

Но кто же ты? И с чем пришел сюда?
Какой искал судьбы и перемены?
Темна вода. И ускользает взгляд.
И краток миг. И безответны стены.

А все же — как? С толпой
 престольным праздником?
На подмости — с артелью богомазов?
На постриг по неправому указу?
На покаяние, в смуте и в соблазнах?

Ах, все равно! Зато, когда зима,
И по холмам снега чисты и неоглядны,
И на морозе въявь светятся купола,
И выстыла душа, и ничего не надо.

* * *

Может, лучше себя переждать.
Все-то молвлено, перемолвлено.
Птичьим щебетом после дождя,
Свистом птичьим все переполнено.

Растеклась по кустам теплынь,
Ненадежная, первовешняя.
Дочерна отмыты стволы,
Словно память наша поспешная.

Седьмая Рота

О. А. Ладыженской

Какая жалость, кофе нет в продаже!
Но до утра достанет сигарет.
Мерещится, сплетается, и даже
Узоры оживают на ковре.

Ничьи-то вздохи в задремавшем коридоре,
И глупости свои бормочет кран.
Не с призраками – с формулами спорить,
И оттянуть развязку до утра.

Вторая Линия

Ну что ж, теперь из вашего окна
Вид на историю. Пустынно и бессонно.
Здесь разные стеснились времена,
И прошлое как будто благосклонно.

О будущем беспечно говорить
Не следует. История пунктиром
Прошьет и нас. Связующая нить
Подтянется, покончат дело миром.

И снова чье-то бледное окно,
И за окном былое, как отрада.
Как наважденье. Главное, не надо
Вникать в детали. Впрочем, все равно.

* * *

Помнишь это здание со львами?
Ты была девчонкой крутолобой.
Львы качали тихо головами –
Мол, не увлекайся так учебой.
Не вникай в проклятые вопросы,
Не сверяй мудреные ответы.
Подожди, еще настанет осень,
А пока весну сменяет лето.
А пока утра еще не знойны,
Легок шаг и не круты подъемы.
Но уже твой спутник беспокойный
Бродит где-то рядом, незнакомый.

* * *

Может, все еще сбудется, сбудется,
Ведь недаром нынче так звездно.
Глядя в небо, судьбу свою вычисли,
И потом в маете походной,
Не забудь то сугубо личное,
Что тебе объяснили звезды.

* * *

Все в одночасье рухнуло. Во мне
Гудеть осталось эхо камнепада.
Остерегись. По осыпям не надо
Бродить в ненаступившей тишине.

* * *

Наша любовь чиста и прекрасна.
Она родилась на горных склонах
И напоена запахами цветущей яблони,
Свежих трав и альпийских фиалок.
Она умыта холодной водою Севана,
Теплым весенним дождем и свежей
росою,

Наша любовь чиста и прекрасна.
Страданье мое сильно и всечасно:
Не могу подарить тебе белые ночи,
Дым лесного костра, дыхание рощи,
Запах ландышей, вод голубая прохлада –
Не для нас... И лишь редкие встречи –
отрада.

*Он отвернулся.
Пусть насыплет.
Да, Моцарт – бог.
Бог чашу выпьет.*

В. Соколов

Высокая легенда христианства.
Бог умирает как бы добровольно.
Он преисполнен знания и боли
О повседневном нашем окаянстве.

Его страданье – нам во искупление.
А так как неизвестно, где могила,
Мы веруем в святое воскресенье
И восклицаем "Господи, помилуй!"

Здесь нечему, пожалуй, удивляться.
Так было до, и после, и повсюду.
Мы славим бога, сиясь приподняться.
Сползаем вниз – и нам подай Иуду.

Превыше правд – легенды. Что ж, мы верим
И, соблюдая надлежащий такт,
Находим низкой музыку Сальери.

Оно, быть может, в самом деле так?

Отрывок

Слабела вера в избранном народе.
Скорбел Господь. Воистину, сказал –
Погибнут в неpotребстве и разброде.
Господь скорбел и сына к ним послал.

Тогда в миру пристрастном и незрелом,
Причастном к первородному греху,
Взошла звезда, звезда над Вифлиемом,
Давая знак волхву и пастуху.

Не стало мамы

И даже ворон не слетит теперь
Привет печальный принести оттуда.
Но – скрипнет приоткрывшаяся дверь,
И льется к сердцу смертная остуда.

Живопись

Их нельзя миновать, их нельзя не
заметить –
Кружева на старинном испанском
портрете.
На старинном портрете, где глаза словно
раны,
И бессильно рука выпадает из рамы.

Поэзия

Да, есть стихи. И есть поэты!
И все же – нет! Не все добром.
Слова пусты и беспредметны,
Когда не так и не о том.

Но вот опять стихотворенье:
Любовь,
 прозрение,
 беда.
Почти всегда – преодоление.
И потрясенье – иногда.

Вена

О, господи! Дунай – не голубой.
Но все путем, и Штраус, позолочен,
Стоит в саду, посмертно заморочен
Фотографирующей толпой.

А Венский лес над Веною навис,
Венчая город гулкой телебашней.
Но хочется, как в тишине тогдашней,
В коляске слушать птичий экзерсис.

Моцарт на Ринге

Что ж, он не против – славный уголок
У Вала бывшего. Легко и гармонично
Его дыханье. Вовсе не в упрек
Окрестной квазиклассике столичной.

А музыка в пути, но он бы предпочел
Свое – надвечное. Хоть и служил короне.
Здесь столько роз и колыханье пчел.
Никто не знает, где он похоронен.

Голос А. А.

Судьбы достанет на десятерых.
Все помнится. Перебирать – увольте.
Но голоса... Они теперь слышны
Все чаще. Так отчетливо, что странно.
Но страха нет – за них ли, за себя...
Схожу, схожу по медленным ступеням,
И надо мной смыкается вода,
Но дышится свободней почему-то...
А март – пока не ведаю о том.

Понедельник

Итак, всему начало — *понедельник*.
Ветвится стих набором точных рифм.
Отшельник, можжевельник и *сочельник*
Нависли, окончанья предъявив.

Изысканные рифмы. К сожаленью,
Изысканность не укрепит стиха.
Он вянет, совращен душевной ленью,
И красота его — сестра греха.

Тогда, быть может, *тельник* и *брательник*?
Что ж, просторечность — меньшее из зол.
И если был похмельным понедельник,
Она трезвит, как утренний рассол.

Но жаль топить в корыте коммунальном
Поэзии естественную суть.
Проникнемся настроем пасторальным,
На грани идеального с банальным
Попробуем найти достойный путь.

Ну, скажем, так. Герой наш, некто *мельник*
Черезседельник скверно затянул.
И потому заехал в понедельник,
И в этом понедельнике заснул.

Вы можете сказать, что это странно.
Но есть здесь ассоциативный ряд,
И есть подтекст, и в меру все туманно.
А вот о том, как в прозе говорят.

Вам сразу ясно: мельник тот — *бездельник*,
И был нетрезв. И дело все — пустяк.
Он мог заехать в *ельник* и в *горельник*,
А поискать, так есть еще и *пчельник*,
Но важен понедельник — это знак.

Привычный знак всего, что лишь вначале.
Всего, что ждет. Всего, что ждете вы.
Но если понедельник вы проспали,
Вам не поправить этого. Увы.

Первая глава

Я не вполне нашупал тему,
Но, кажется, начать поэму
Пора. Пусть наспех и вчерне.
А после разберемся, где мы. —
Мы слишком долго были немы
И потакали тишине.

Наверно, говорить излишне,
Что изощренных шестистиший
Освоить мне не удалось.
Но пусть простит меня Всевышний. —
Хотя они опять не вышли,
Я запишу их — на авось.

Но вот о чем. В грибную пору
Мы все хватаем без разбору —
Где добродетель, где порок.
Опасно доверяться взору. —
Он тяготеет к мухомору,
Да после варево не впрок.

Не стану спорить: эти строки —
Всего лишь плоские намеки
Насчет людей, а не грибов.
Но потерпи, читатель строгий. —
Пока мы только на пороге,
А там поищем лучших слов.

Мы, может быть, с тобою даже
Найдем согласие в пейзаже
Иль погрустим о старине.
Поверь, зачин не столь уж важен. —
Стиха затейливая пряжа
Сама послужит нитью мне.

Поэма наша бессюжетна.
Она — не род автопортрета,
И менее всего — роман.
Не станем сетовать на это. —
Определение предмета,
В конце концов, всегда обман.

Здесь пояснить как раз удобно,
Не мотивируя подробно,
Что автор взял себе в закон. —
Размер простой и допотопный,
Все тот же ямб четырехстопный
К присяге мною приведен.

Он надоел, я где-то слышал,
Но что поделывать, если дышат
В нем соразмерность и замах.
Зазорно выражаться пышно.
А в остальном — закон, что дышло,
Не только в прозе — и в стихах

Рифмуй что хочешь с чем угодно,
А если выйдет непригодно,
Ты не красней, как светофор.
Клянись захлеб и принародно,
Что хоть письмо твое свободно,
Но в трезвых рамках прежних форм.
И что при ясном общем плане
Ты допустил поток сознания
И фантастический момент
По той единственной причине,
Что *перемены* всюду ныне,
И ты — в контексте перемен.

Поменьше каркай — ты не ворон.
Чем укрощать Пегаса норов,
Приличнее брести пешком.
Стихи и впрямь растут из сора,
И потому в них много вздора
И даже кое-что с душком.

А впрочем, так или иначе,
Седлай Пегаса или клячу,
Плетись или скачи вразлет, —
Какая разница, читатель!
Давно *Спаситель горько плачет*,
И все *безмолвствует народ*.

Так было сказано когда-то.
Но перепутал я цитаты,
И потому сейчас прерву
Стиха разбег замысловатый. —
Чтоб не попутал бес проклятый,
Окончим первую главу.

Литэпиграммы

1

Нет ничего трудней свободной формы.
Все только сам. И ничего от нормы.

2

Знаток большой литературы
На языках народов мира,
Он полагал «Марию Стюарт»
Произведением Шекспира.
*(посвящается одному из
авторов «Недели»)*

3

Не все цитаты требуют усилий.
Я, например, запомнил хорошо:
«История не в том, что мы носили,
А в том, как нас пускали нагишом».
(Б.П.)

4

Поэт, не будь чрево вещатель!
Ты сердцем пой, как пели встарь.
И стань Земшара председатель,
А не Союза секретарь.

5

«Дроби же, мой хорей, камня!» –
Воскликнул ты. А нам как быть?
Не мог вершков ты от кореньев,
Как мы ни бились, отличить.

Поэту с именем не доставало отчества.
Прижизненную славу возлюбя,
Он без конца твердил о муках творчества.
Но творчеством он мучил не себя.

Сонет поэтессе

Сочувствую тебе. Ты маешься опять.
То Бабочки своей справляешь годовщину.
То Пушкина помянешь всеу. То Марину
Тревожишь, не шутя, и хочешь вровень
стать.
Что видно из окна – давно ушло в печать.
И грипп уже воспет. Пора за скарлатину?
Но это все сулит успех наполовину.
В наличьи божий дар. И в этом благодать.
Но все-таки о чем твой стих неотразимый?
Как в половодье строк не проглядеть
струю?
А слово – хоть куда. И рифмы на краю
Есть упоение. – Недаром ты любима.
Прости меня, что я «пришел и говорю».
Но, как сказал поэт, – года проходят мимо.

*В моем лирическом герое
Отыщешь ты мои черты.
И все-таки, прости, - нас двое,
И вовсе нас не путай ты.*

Городской романс

У тебя по утрам голубые глаза.
Ради них я старался стать чище и лучше.
Пиво пить не ходил на Московский
вокзал.
И домой приносил, безусловно, получку.
Я с тобой говорил чуть не белым стихом.
Уважал твоё кредо. Хранил твоё фото.
Только всё было зря. И в похмелье глухом
Мне про тот свой позор вспоминать
неохота.
Я остался один и пустился в загул.
Но опух и охрип, и давление упало.
И осталась тоска. Вот тогда я смекнул,
Что с другою, пожалуй, начну всё сначала.
Нынче бабы в вельветовых ходят штанах,
И бюстгальтеров летом не носят, паскуды.
Я жениться непрочь. Но естественный
страх
Мне мешает решиться на это покуда.
Я с работы ушел и купил себе маг,
Чтобы слушать Высоцкого хрипкое пенье.
В понедельник решительный сделаю шаг,
Но сегодня, по счастью, ещё воскресенье.
Телевизор цветной нам являет хоккей.
В перерыве мы смотрим доверчиво
«Время».
Хоккеисты – такая порода людей,
Что, наверное, их оставляют на племя.

Ты теперь далеко. И навряд ли одна.
Как поется, в поля отошла без возврата.
Я не знаю, насколько моя в том вина.
Только очень уж злая случилась расплата.

Обманчивы, как тени на снегу,
Души твоей внезапные сюжеты.
Гожусь ли я разгадывать все это?
Утешусь тем, что сам себе солгу.

Ты скажешь: эта истина стара.
Но истина всегда чуть-чуть банальна.
Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора.

Когда поэты пишут о себе,
У них выходит про страну и про эпоху.
И даже получается неплохо,
Особенно в придачу к похвальбе.

Что поделать, мое ремесло –
Обучение нескромных балбесов.
Я всего только штатный профессор,
Повторитель затверженных слов.

* * *

Утром снова поцапался с Клавою,
Днем не ладилось как-то с расчетами,
И поэтому после работы я
Согласился сходить за отравою.

Шеф сегодня слинял раньше времени,
И тогда мы в его кабинете
Перешли к содержательным прениям
Без закуски и без патетики.

Все путем. Посидели культурно,
И в больших обсудили подробностях,
Как устроены кольца Сатурна,
И откуда у баб столько злобности.

Только Федя остался без голоса —
Похвалялся весь вечер настырно,
Что свою Веронику за волосы
Оттаскал, и теперь она смиренная.

Нынче ценится роскошь общения,
И когда мы сидим по-хорошему,
Наш вахтер, обходя помещения,
Нам расскажет про полости Роша
И за красное выпьет смещение.

Ну, а Федя, тот вовсе без голоса,
Потому что весь вечер настырно
Разорялся про звездные коллапсы
И талдычил про черные дыры.

Обсуждая полярные мнения,
Мы за полночь нашли коллективно,
Что нам всем перенос излучения
Обсуждать без закуски противно.

А когда все смотались по-тихому,
И посуду забрали, как не было,
Стало снова мне смутно до лиха
И обидно за звездное небо.

Я у шефа залег на диване,
И часы потянулись томительно.
А потом отключилось сознание,
И увидел я сон удивительный.

Будто Клава уже не ругается
И забыла про ту четвертную.
А вселенная расширяется
И галактики — врассыпную.

* * *

Я спросил сегодня у Никиты,
Выйдя с ней под вечер на балкон:
Что за тайна пряная сокрыта
В сладостном названии «солитон»?

И сказала мне Никита хмуро —
Солитон — не надпись на гробах.
Солитона стройную фигуру
Можно в здешних увидеть волнах.

А когда уляжется волнение
И потухнет дымчатый закат,
Можно подглядеть распад ступени
И рождение солитонных стад.

Побегут они морским простором,
Расходясь между собой на логарифм...
Только мне для умных разговоров
Не хватает времени и рифм.

Так сказала мне тогда Никита
И, перемахнув через балкон,
Улыбнулась как-то ядовито
И ушла с другим на выпивон.

* * *

Море нынче такое грозное,
Что купаться не можно сметь.
Так пойдем на доклад А.Я.Повзнера,
Чтоб прослушать и умереть.
И уж там, в дыму примиренья,
Перед ликом Бога-отца,
Мы пойдем, в чем его творенье,
Хоть немного, не до конца.

* * *

Среди ученых обрусевших,
В трудах ученых облысевших,
Живущих ныне и умерших
Умнее всех профессор Вершик!
И энергичней – безусловно!

Поздравления с юбилеем

1

Замирает таинственный зов,
И опять надвигается тень.
У тебя знаменательный день.
Будет много вина и цветов.
Здесь на Волковом, в гуще аллей,
Я давно на другом берегу.
Я прийти никуда не могу,
Но приветствую твой юбилей.

2

Если б я не стеснялась поступка,
Не принятого у королей,
Я б надела узкую юбку
И пришла на Ваш юбилей.
Хотя душа моя отлетела,
Но шаги как прежде легки.
И мне Вам подарить захотелось
Перчатку с левой руки.

3

Помню, был молодой да глупый.
Видно, главного не успел.
Сколько девушек я перещупал,
Сколько песен похмельных спел!
А теперь вот навзрыд жалею,
Среди этих паршивых куш,
Что поздравить Вас с юбилеем
Я отсюда никак не спущусь.

4

Я поздравляю, Нина, Вас
Небеспристрастно.
И повторить готов сто раз,
Что Вы прекрасны!¹
Желаю Вам среди прочих благ,
Чтоб Вы подоле
Держали свой высокий стяг
Ума и воли.

5

Так уж вышло, что Вам не дождаться сегодня
меня.
Я поздравить хотел и попеть под гитару приватно.
Только долог был путь, и загнал я дорогой коня.
А пешком не поспеть, и пришлось мне вернуться
обратно.
Где-то пленка была. Вы поставьте, что повеселей.
А уж я постараюсь, спою словно прежде, не хуже.
Как-никак, у хозяйки сегодня такой юбилей.
Да и я буду рад, если все еще слышен и нужен.

¹ Моя известная строчка «А ты прекрасна без извилин» к Вам совершенно не относится. — *Прим. автора.*

Переписка

На рассвете около столовой
Буду ждать тебя, на все готовый.
Если ты готова, то ответ
Положи мне тайно внутрь кед.

Милый, мне готовой быть не трудно,
Но писать об этом как-то нудно.
И когда кругом прекрасный лес,
Не в столовой главный интерес.

Дорогая, чуть я выйду в горы,
Я скачу во весь опор к опорам,
И боюсь, мой друг, что на бегу
Быть с тобою нежным не смогу.

Милый мой, зачем ты так ретиво
Бегаешь на здешние массивы,
Если можно в дымке предрассветной
Добиваться нежности ответной?

Дорогая, между гор и лекций
Я лишился всех других потенциалов,
И хочу встречать рассвет в столовой,
Чтобы возродиться к жизни новой!

Друг мой милый, нервный и упорный,
Что с тобою сделал воздух горный?
Если хочешь надо мной победы,
Выброси тетрадки или кеды.

* * *

Возомнив себя поэтом,
И поскольку солнце встало,
Я пошел к тебе с приветом,
Как поэту и пристало.

Признаюсь, я был намерен
Только ямбом изъясняться,
Чтобы в избранной манере
Повседневно упражняться.

Но, увы и к сожаленью,
Что-то вышло по дороге.
В результате ударенье
Залегло на первом слогe.

Сдвинуть я его не в силах
Ни налево, ни направо. —
Ямбы стали нынче хилы,
На хореев нет управы.

Очевидно, мне придется
В этот раз начать сначала.
Там, глядишь, и лес проснется.
Впрочем, это ты читала.

Чтобы стих наладить разом,
Я перечеркну крест-накрест
И хорей скачкообразный,

И медлительный анапест.

Но клянусь (и чтоб мне лопнуть!),
Что отныне и повсюду
Только ямб четырехстопный
Посвящать тебе я буду.

Не беда, что безответно. —
Станет постепенно ясно,
Что привязанность поэта
Неизменна и прекрасна.

Сонет

Сонет не допускает лишних строк.
Поэтому, прости, я буду краток.
Привязчивость — прелестный недостаток,
Но я ей дал перерасти в порок.
Не избежав скрещения дорог,
Я медлил, обмирал и приходил в упадок.
Что ж, видно поделом. Мой грех — он был
мне сладок,
Но и благих тенет распутать я не мог.
По счастью, все проходит. Я рискнул
Напомнить о былом. — Но лишь по той
причине,
Что мне уже пора... И лучше нам отныне
Не принимать предзимье за весну.
Как ни роскошны осени цвета,
Мы понимаем — суть у них не та.

* * *

Вам охота — с душой? Чтобы, значит, пошло под гитару?

Не захлеб, не навзрыд. Так, скупая мужская печаль.

Но верха — со слезой. Нынче много такого товару. Мы не хуже других. И себя для друзей нам не жаль.

.....

Обмелела душа. Обнажились опасные камни. Все сильнее нас бьет. Все быстрее бегут берега. Скорость тоже пьянит. Но надолго она не обманет. И помочь нам нельзя. И спокойнее нас избегать. Это кажется лишь, что как прежде нас любит удача,

И зарплата сама нас находит в окошках сберкасс. Мы не знали себя. И о многом судили иначе. Но прозренье пришло. И судьба обмелела для нас. Показался порог. Средоточие рева и пены. А за ним тишина. Кружит медленно лист под скалой.

Нам туда не доплыть. Только надо идти непременно.

Слышишь, лодка трещит. Ну, держись!... В этот раз пронесло.

Только здесь не пристать. По отвесным не выбраться скалам.

Их нельзя умолить. Им нельзя ни польстить, ни налгать.

И опять быстрина. Видно, дело осталось за малым. Все сильнее нас бьет. Все быстрее бегут берега.

* * *

Жизнь с годами вытекает все быстрее.
Если б знать свой час наверняка...
Проигрыши в этой лотерее
Доставляют на дом без звонка.

Кто-то в суете и прегрешеньях
Не расслышит вкрадчивых шагов.
Кто-то до последнего мгновенья
Ждет неверной милости богов.

Если же в тисках душевной боли
Ты сломался, а твой свет погас,
Все равно ты распознать не волен
Свой, как говорится, судный час.

Вот и мне пора сходить к цыганке
Или погадать на короля.
Скажут пусть, когда мои останки
Примет безотказная земля.

Скажут пусть, и станет мне вольнее.
И не так уж буду виноват.
Заслонит вину мою пред нею
Четко обозначенный закат.

Там вверху, беззлобно и без взгляда
Перережут спутанную нить,
И тогда уж ничего не надо,
Потому что перестанешь быть.

Только это вздор — ходить к цыганке,
Глупости — гадать на короля.
Засекречен счет в небесном банке.
Жди. Остаток спишут до нуля.

* * *

На исходе то ли лета, то ли года,
Или, может быть, еще чего-то,
Ни моста уже не сыщется, ни брода,
Остается разве только круг почета.

Остается разве только чья-то жалость
При уже почти пустых трибунах.
А чего другого не осталось...
И гремит в ночи прибой на дюнах.